

ФИНАЛИСТ
ПРЕМИИ
«КНИГУРУ»

КСЕНИЯ
БЕЛЕНКОВА

Я УЧУСЬ
В ЧЕТВЁРТОМ
КРО

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА

Настроение: Подросток

Ксения Беленкова

Я учусь в четвёртом КРО

«Издательский Дом Мещерякова»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Беленкова К. А.

Я учусь в четвёртом КРО / К. А. Беленкова — «Издательский Дом Мещерякова», 2019 — (Настроение: Подросток)

Четвёртый класс – в некотором роде решающий. Чем запомнился последний год перед средней школой, все ученики коррекционного класса расскажут в майском сочинении. Все, кроме Кати Романенко. Из их сочинений и сложилась повесть Ксении Беленковой, пронзительная и очень трогательная.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Беленкова К. А., 2019
© Издательский Дом
Мещерякова, 2019

Содержание

Сентябрь	10
Октябрь	15
Ноябрь	21
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ксения Беленкова

Я учусь в четвёртом КРО

© К. А. Беленкова, текст, 2019

© А. Ю. Храмцов, иллюстрации, 2019

© АО «Издательский Дом Мещерякова», 2019

* * *

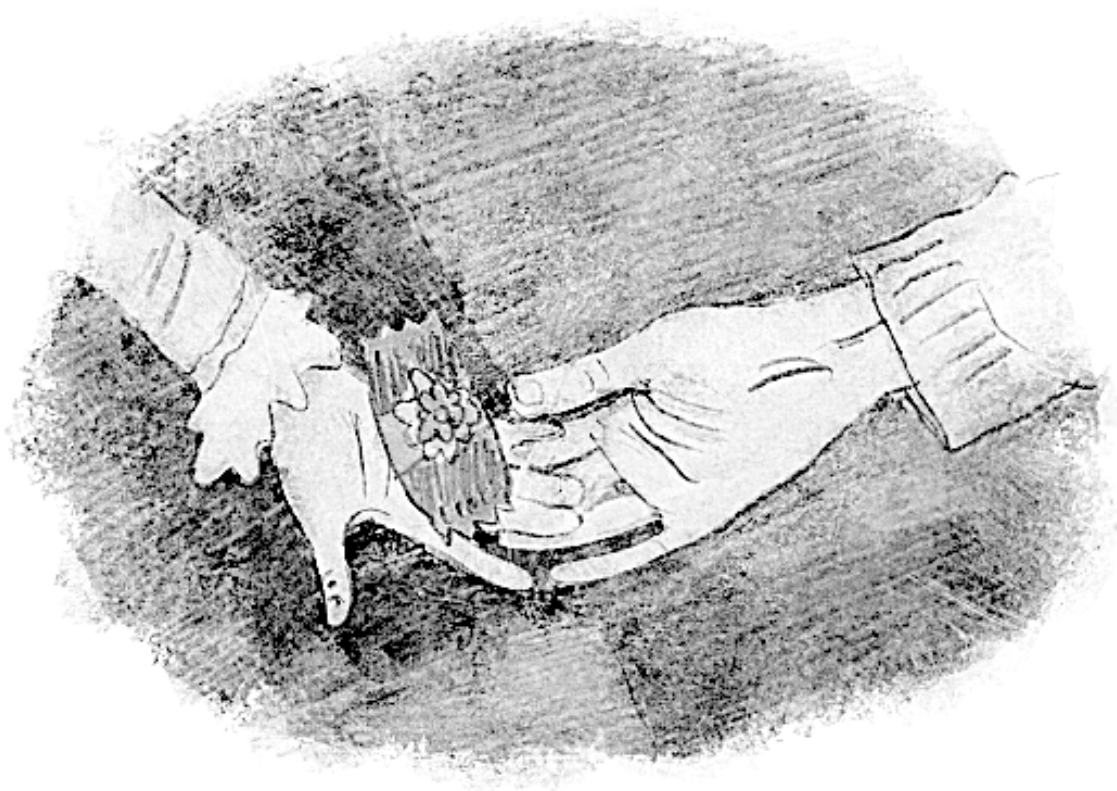
Я учусь
в четвёртом
КРО

*Посвящается любимой маме,
которая научила меня видеть в жизни главное и не изменять
этому*

*Все события и герои вымышлены.
Любые совпадения с реальными личностями случайны.*

Сентябрь

Катя Романенко • Прыжок с парашюта

Я не сразу поняла, что упала. Мгновение назад лестница была под ногами, а теперь поднималась над головой. Она летела всё выше и выше...

Много голосов и много слов, ставших вдруг непонятными, будто со мной говорили на иностранном языке, но разве это возможно? Тут же закружились-заплясали лица: очень смешные, как в кривом зеркале. Я вглядывалась, стараясь узнать их, но в голову лезло что-то совсем другое, как будто более важное и нужное. Вокруг были чужие жизни, а внутри билась моя собственная. Мне показалось, что я кувырком выпала из далёких придуманных историй в свою – настоящую. Впервые увидела себя так ясно: я всё смотрела, смотрела, смотрела и не могла наглядеться...

Из новой школы мы с мамой обычно возвращались через парк Покровское-Стрешнево. И каждый раз считали, кого встретим чаще – детей в колясках или хозяев с собаками. Ещё в начале сентября, сразу после переезда, мы договорились: если встретим в этом парке больше колясок – мама родит мне братика или сестричку. А если увидим больше собак – купит щенка.

– Мам, парк похож на твою юбку! – сказала я.

– Это ещё почему?

– Ты посмотри, он совсем такой же – серый с золотом.

Мама подняла голову к влажному голубиному небу, ветер рванул кленовые листья. Один из них, самый золотой, запутался в её летящих волосах.

– Мама, ты же теперь кленовая королева! – засмеялась я. – Даже корону принесло.

Мама тоже заулыбалась и воткнула кленовую корону мне в косу. В тот день колясок мы встретили больше, чем собак. Я была такая счастливая и почти что забыла о новом классе...

Мне сказали, что я пойду в четвёртый КРО¹, потому что почти весь третий класс проболела и плохо написала переводные контрольные. Ребята в коррекционном оказались странные:

¹ КРО – коррекционно-развивающее обучение.

здесь было всего девять человек, но большая, как медведица, учительница еле с нами справлялась. Она вечно металась от парты к парте, рассаживая всех по местам.

Один светленький мальчик с голубыми глазами все перемены напролёт ползал по классу, а на уроке мог забраться под стол и начать визгливо лаять. Другой – тощий и изогнутый, как палка грибника, – постоянно хулиганил и любил драться со всеми подряд, даже с кулером. Но чаще доставалось его соседу по парте, который непонятным образом перемещался внутри растянутой водолазки, так что из рукава запросто могла выскочить голова. На побои он почему-то никогда не жаловался, будто был достоин их. Кроме меня в классе училась всего одна девочка, зато рыжая и очень весёлая. Стоило ей открыть рот, как она сразу начинала хохотать. И тогда просыпался всклокоченный молчаливый мальчик, который всегда лежал на задней парте. Ещё двое ребят сидели прямо перед учительским столом и постоянно кричали друг на друга. Один из них, пухловатый, с прозрачным бобриком на голове, невероятно размахивал слюнявым языком, так что брызги прилетали на мою парту. Второй в спорах зачем-то перебирал всех известных ему актёров. Глаза у него были навывкате, как у рыбы телескопа, и к тому ещё ирокез, торчащий вверх плавником намыленных волос.

Но самым необыкновенным был девятый ученик: он почти никогда не ходил на уроки, всё время ухитрялся прогуливать. Первые две недели я лишь слушала про него невероятные истории от одноклассников. И вот однажды мне всё же удалось познакомиться с ним. Тогда я и не знала, что эта встреча перевернёт мою жизнь...

– Он выпрыгнул в окно! – кричал, выпучивая рыбы глаза, Сашка Воронков.

– С парашюта прыгал, что ли? – обрызгал его слюной Вова Сяткин и сам высунулся наружу. – Второй этаж – высоко...

– Парашют не успел бы даже раскрыться, – из водолазки вынырнула голова Миши Гришина. – А ещё, Сяткин, тебе пора бы знать, что с парашюта вообще никогда не прыгают! Это же глупость какая-то...

– Много понимаешь, да? – Сяткин недовольно зыркнул на Гришина. – Это почему ещё с парашюта не прыгают?

– Потому что прыгают с парашютОМ! Если с парашюта прыгнуть – сразу кранты.

Но Гришина уже никто не слышал, внизу появилась пляшущая фигурка, которая махала ребятам рукой.

– Крендель! – захлопала в ладоши Марта Кобылянская. – Жив! Живё-ха-ха-ха-нек!

Мне стало жутко любопытно, как же выглядит мой одноклассник, который умудрился убежать с урока прямо через окно. Я тихонечко пристроилась рядом с Мартой и смогла выглянуть во двор. На школьном участке, прямо по газону между желтеющими кустами, прыгал плечистый мальчик. Он строил смешные рожи в наше окно и показывал пальцами всякие знаки. В моей прошлой школе не было ни одного такого смелого ученика, даже слегка похожего не нашлось бы. Там почему-то ребята жутко боялись учителей, а здесь всё было наоборот! Тут я увидела, как наша классная Анна Жановна тоже вышла из школы во двор и поспешила в сторону Кренделя, смешно переваливаясь с боку на бок.

– Сейчас поймает, – прошептала я испуганно в оттопыренное ухо Марты Кобылянской. – И что тогда ему будет?..

– А ничего ему не будет, – сказал с задней парты Сеня Шпица, потом лениво повернулся на другую щёку и продолжил спать.

– Не поймает! – хлопнул длинной ладонью по стеклу Гоша Порочкин. – Спорим?

– Спорим! – тявкнул из-под парты Димка Пирухин. – Схватят как миленького!

Тем временем Крендель пробежал за кустами и, пока Анна Жановна перелезала через бордюр на газон, мигом махнул к заборной решётке. А там уже и свобода за калиткой прита-

илась. Но нет, смотрю, в калитку предупредительно протиснулась наша огромная охранница – кажется, даже застряла в ней широкими боками. Крендель голову задрал, улыбается нам победоносно на бегу, а сам с размаху ей в живот и влетел. С одной стороны, мне его очень жалко стало и обидно, что не сумел красиво смыться, но с другой стороны, я радовалась – сейчас его наконец в класс приведут!..

– Эй, Катька, ты чего такая красная? – спросила Марта и захихикала.

– Романенко в Кренделя влюбилась! – ответил долговязый Порочкин, которого никто не спрашивал.

Я не стала с ним спорить, просто отошла от окна и села обратно за свою парту, а уже оттуда покрутила пальцем у виска. Чем громче буду возмущаться, тем сильнее прицепятся, – я этих ребят уже раскусила. Лучше тихо отсидеться, тогда они через пять минут всё забудут: памяти у них мышь наплакала. Как школьный психолог вчера сказала: долговременной вовсе нет, а кратковременная – просто мгновенная. Пока я об этом думала, все обо мне и забыли. И вот в класс вернулась запыхавшаяся Анна Жановна вместе с отловленным Кренделем.

Впервые я видела его совсем рядом: странно, но вблизи он оказался меньше, чем выглядел издали, к тому же глаза у него разбегались в разные стороны.

– Садись! – устало скомандовала Анна Жановна.

Одним глазом Крендель посмотрел на ряд у окна, другим – на ряд у стены, а сел на мой – средний, совсем близко.

– Новенькая? – спросил, повернув голову.

Я закивала и снова почувствовала, как чешутся от красноты щёки. Ни у кого в моей прежней школе не было таких загадочных глаз – даже не угадаешь, каким из них он на тебя смотрит.

– Будешь давать списывать, – сразу заявил мне Крендель и снова отвернулся.
А я поняла, что напрочь забыла весь алфавит...

– У меня двойка за диктант! – Крендель тряс перед моим носом своей тетрадью.
– Угу... и у меня...

– Зачем ты написала «бросился на утюг»? – Он тыкнул пальцем в краснющее исправление. – Видишь, как надо было: «бросился наутёк»!

– Вижу...

– Почему же ты разрешила мне списывать свой двоичный диктант?

Я пожалала плечами, не зная, что и ответить. Мне было очень стыдно: Крендель так на меня надеялся и верил, а я подвела... Сама не знаю, как это получилось. Когда Крендель был рядом, со мной что-то непонятное творилось. Сначала я очень боялась, что он до меня дотронется. А потом стала бояться, что он никогда до меня не дотронется...

– Не стану больше у тебя списывать! – сказал он и вышел из класса, хлопнув дверью.

Я начала запихивать учебники и тетради в портфель, из глаз туда капали пузатые слёзы. И тут вдруг увидела катающуюся по дну шоколадку, которую мама дала мне этим утром, вытащила её из рюкзака и побежала за Кренделем. Он успел уже пройти весь коридор и был теперь у самой лестницы, болтал с какими-то незнакомыми пятиклассниками.

– Извини. – Я догнала его и протянула мировую шоколадку. – Я больше так не буду...

Взрослые мальчишки громко засмеялись, спускаясь вниз, но мне было всё равно.

– Катись отсюда! – гаркнул Крендель и побежал за ними.

Нет. Он так и не дотронулся до меня. И не взял шоколадку. Но я почувствовала, будто меня оттолкнули: лестница сама собой ушла из-под ног. Мир вдруг перевернулся и уже не был прежним...

Я всё лежала и смотрела вверх, где повис незнакомый мир, и вдруг из чужих лиц выпрыгнуло одно – необыкновенно знакомое, почти родное. Я попыталась вспомнить его имя... Как же тебя зовут?.. Почему-то в памяти завертелась кручёная булка... Крендель... Да, конечно, это был сам Слава Кренделев! Он что-то очень громко говорил мне в лоб, и я счастливо улыбалась ему. Он дотронулся до меня и даже взял из руки шоколадку. Пальцы его оказались тёплыми и сухими, даже шершавыми. Наверное, он забывал вытирать руки полотенцем после мытья. Моя мама всегда говорила насухо вытирать руки, иначе они обветрятся и покроются цыпками. А сегодня утром она, кажется, впервые в жизни забыла проверить, почистила ли я зубы. Заплетая тугую косу и чуть дёргая волосы дрожащей рукой, мама тихонько сказала мне в шею, так что стало тепло:

– Катя, знаешь, а у тебя скоро будет братик!..

Октябрь

Вова Сяткин • Сяткин – 2!

До школы я понятия не имел, что бывают хорошие цифры, а бывают плохие. И гордая двойка с гнутой шеей нравилась мне даже больше пузатой пятёрки. Но с возрастом вкусы меняются, и вчера на уроке английского всё вдруг стало иным.

Училка, как обычно, вошла в класс и громко сказала:

– Хелоу, чилдрен!

Все закричали, и я закричал:

– Хелоу, тича!

Мы сели за парты. Англичанка сразу раздала всем листы с заданиями и сказала, что у нас будет контрольная работа. Я стал оглядываться – у кого же списать? Новенькой Романенко до сих пор не было на месте, Пирухин тупо пялился в окно, Шпица уже дремал, распластавшись по парте. Крендель взял листок двумя пальцами, будто это был использованный обрывок туалетной бумаги и присвистнул:

– Да ну вас-с! – Глаза его разлетелись: один глянул в окно, а другой на дверь. – С-скукота с-смертная!

На этот раз дверь понравилась ему больше. Крендель снова собрал глаза в кучку, взял портфель и спокойно вышел из класса, для уверенности хлопнув так, что вздрогнули все, кроме англичанки. И через секунду под закрытой дверью к нам прополз листок с контрольными заданиями. Кобылянская, ухахатываясь, подобрала его и отдала училке.

– Приступайте, – сонно сказала англичанка, даже не взглянув на дверь и на подобранный Мартой листок. – Осталось сорок минут.

Все задания в листке были написаны на английском – никакого уважения к российским ученикам! Потому ответы я решил писать на родном русском языке, не зря же меня этому научили. Пришло время применять знания. Неожиданно я так увлёкся, что мне даже понравилось это дело. Буквы выходили красивые, ровные, я был просто в писательском ударе! Слово за слово, вскоре весь листок с контрольной оказался исписан. Я огляделся – все ещё корпели над заданиями – вот дураки!

– Я всё сделал, – гордо поднял руку. – Можно сдавать?

– За десять минут справился? – без удивления спросила англичанка.

– Ага, тича!

– Ну, иди сюда, кид, тащи свой листо-ок, – зевнула она, – погляжу.

Я сдал контрольную самым первым и возвращался на место досрочно освобождённый, под завистливые взгляды одноклассников. Сел себе за парту и стал тихонько следить, как англичанка читает мои ответы. На её лице не было видно восторга, но это простительно: она всегда такая отмороженная – не помню, чтобы хоть однажды улыбнулась или разозлилась. Училка проверила всё до конца – ни одного исправления! – а потом разом черкнула что-то и положила мой листок на край стола.

– Вы уже поставили оценку? – Мне не терпелось похвастаться перед всеми, кто ещё кряхтел мозгами над заданиями, своей заслуженной пятёркой.

– У-гу...

– Что? Что я заработал?

Англичанка ответила медленно и тягуче, пожёвывая язык:

– Ся-яткин – два!

– Как два?! Не может быть! Покажите!

Я сорвался с места и подскочил к учительскому столу.

Англичанка протянула мне раненый, рассечённый поперёк красным лист. Под перечёркнутой работой гордо выгибала шею, точно дразнилась, огромная двойка.

– Нет! Я не мог на двойку написать! У меня всё было правильно!

– Сяткин, умеи признавать свои ошибки, – тихо и спокойно сказала англичанка.

И тут же я завизжал противным тонким голосом, какого у меня с детства не было. Я не мог понять, откуда взялся этот звук, только он совершенно не хотел кончаться. Не в силах закрыть рот, я всё тянул и тянул пороссячье «и-и-и!». А сам смотрел вокруг, будто мне фильм ужасов показывают. Все стали затыкать уши. Димка Пирухин под парту залез и начал оттуда мне подвывать. Шпица за грудь схватился и по стулу сползает, а сам весь белый как зефир. Лишь англичанка сидит спокойно, точно приклеенная, даже глазами не шевелит. И тут мне

пришлось закрыть рот, лишь на секунду, чтобы носом воздуха набрать. Но я не потратил это время зря: схватил с учительского стола листок с контрольной – и давай рвать его на мелкие кусочки. Пусть он никому не достанется, раз не заслужил пятёрку! А потом стал рассыпать обрывки по классу, очень уж хотелось, чтобы англичанка сказала хоть слово. Да ладно, фиг с ней, пусть молчит, лишь пошевелилась бы! Но она не шелохнулась, даже не моргнула, сидела себе, точно приشلёпнутая к стулу фотография. И опять у меня визг изнутри полез. Англичанка – ноль эмоций, – не было у неё кнопки ВКЛ! Кричал я, пока у меня опять воздух не закончился, но кнопку эту так и не нашёл. Может быть, у англичанки кнопка ВКЛ называется ON и на русский громкий клик не реагирует?..

За это время к нам в класс, как на представление, стали сбегаться учителя из соседних кабинетов. Они на меня смотрят, потом – на англичанку, а она никуда не смотрит, совсем остекленела и, кажется, стала пылью покрываться. У меня в глазах слёзы торчат, и я через них вижу, что англичанка просто светится изнутри, точно золотое курочкино яйцо. Круглая, довольная собой, будто питается моими воплями. Я воздух снова набрал, да как закричу:

– Мышка! Бежала!

Тут в классе и без меня визг поднялся. Даже те, кто уши руками зажимал, через них всё про мышку слышали, с мест повскакивали и к двери рванули, а там толпа учителей их своими воплями встречает.

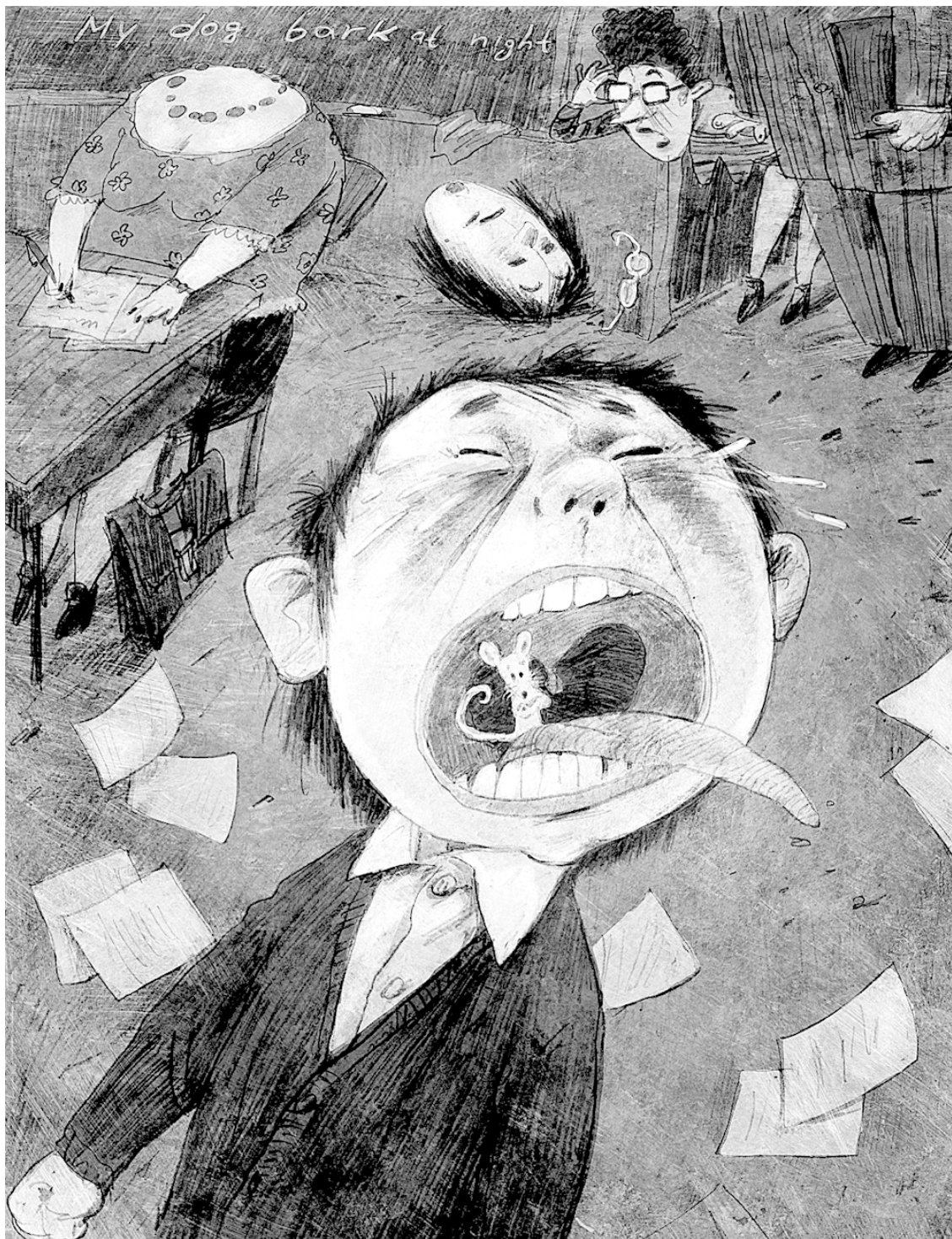
– Хвостиком махнула, – продолжаю я, но этого уже никто не слышит.

– Мышь! – кричат ребята.

– Мышь? – кричат учителя. – Где она пробежала? Покажи немедленно!

И в этой суматохе никто, кроме меня, не видит, что англичанка давно уже упала и разбилась...

Именно из-за этой незаслуженной двойки и мышшиной возни мне досталось от мамы. Анна Жановна нажаловалась ей на меня. Сама бы классная не стала родителям звонить, но другие учителя надавили. Хотя, я считаю, это было непедagogично! Сам слышал, как англичанка сказала Анне Жановне, будто я такой из-за того, что меня в классе и дома распустили, и вот теперь я дошёл до мышей! Но я такой сам по себе, нет тут ничьей заслуги...

Мама хотела готовить ужин, тут-то ей наша Анна и позвонила. И вместо ужина мы стали готовить мою домашку.

– Уж я за тебя возьмусь! – сказала мама, а рукава у неё уже были закатаны для того, чтобы лепить котлеты из фарша.

Впервые в жизни она вошла в электронный журнал. Как назло, нашла мой пароль! А может, это наша Анна по телефону его подсказала: она нам тоже часто подсказывает, если видит, что сами никак не справляемся. Так что теперь мама знала все задания, которые я по привычке не записал в дневник. И сказала, что проверит у меня всё ДОСКОНАЛЬНО! Я понял:

если буду сачковать, получу разделочной доской, по которой уже были рассыпаны панировочные сухари. Пришлось делать домашку по-честному.

На завтра задали три номера по математике, а ещё какое-то издевательское упражнение по русскому, где нужно было отгадывать падежи существительных. Я просил маму включить под это дело «Шоу экстрасенсов», но она отказалась. Говорит, будто я должен знать это назубок, как таблицу умножения. Я не стал спорить, иначе пришлось бы признаваться, что таблицу я ни в зуб ногой...

Мама сидела и следила, чтобы я не пропускал ни одного задания. Довольно скоро она поняла, что сам домашку я буду делать до утра, и, скорее всего, не завтрашнего. Тогда мама решила схитрить, она тоже хотела есть, хоть и не признавалась. Пока я сидел с русским, мама написала для меня все примеры и задачки по математике с решениями прямо в тетради карандашом, а мне сказала лишь обводить.

Вот уже вернулся с работы папа и крикнул:

– Что на ужин?

– 32 коробки конфет по 9 кг! – крикнула в ответ мама.

– А ещё 36 коробок вафель по 8 кг! – добавил я.

– Какие ещё коробки? Вы издеваетесь? Мне их на работе хватает...

Папа заглянул на кухню и увидел маму с закатанными рукавами, разделочную доску, посыпанную сухарями, ноутбук с открытым электронным журналом, мои учебники и тетради... но никаких котлет!

– Ужин ещё не готов? – вскричал оголодавший отец.

– А уроки с сыном кто будет делать? – Мама повысила голос в ответ.

– Четыре года ты с ним уроки не делала, а тут вдруг сподобилась? – взревел папа. – Верно говорят: интернет – это зло! Без электронного журнала мы бы не знали, что Вовке задано, и ужинали сейчас спокойно!..

И тут мама решила обидеться. Она всегда обижалась, когда папа правду говорил. Может быть, все женщины так устроены? Наверное, им проще соврать, чтобы было спокойнее. Вот я и врал всегда, будто мне ничего не задано. Или что я всё сам давно сделал.

– И правда, что это я? У ребёнка же отец есть! – Мама подняла на папу оскорблённые глаза. – Или ты просто мимо проходил и заглянул поужинать?

Папа горько усмехнулся, выдвигая вперёд лохматый подбородок. Никто здесь не сомневался, что он собирается задержаться на ночь, тем самым признав отцовские права и обязанности.

Тогда мама продолжила:

– Мы уже почти всё сделали, осталась только физкультура...

– Что? – удивился папа. – По физре теперь тоже домашку задают? У-у-у, какие продвинутые все стали...

Мама развернула к нему электронный журнал, где в графе «физическая культура» было написано «утренняя зарядка, закаливание, силовые упражнения».

– Зарядку разрешаю сделать завтра утром, – смиростивилась мама. – Закаливание после ужина. Но силовые упражнения проверь у него немедленно! А я пока котлеты пожарю.

– Упал – отжался! – скомандовал мне папа.

– Но мы не отжимаемся, мы сейчас на турнике висим... А у нас дома турника нет...

– Отставить разговорчики! – Папа кивнул маме, чтобы та уже жарила котлеты. – Зависать сейчас не время и не место.

Я послушно лёг на живот и с помощью рук попытался оторвать его от пола. Сверху уже понеслись запахи фарша и подсолнечного масла, они укладывались толстым слоем на спину и не давали подняться.

– Ой, как всё у нас запущено! – вздохнул папа. – Мышцы совсем слабые.

– Да какие мышцы, у него даже язык за зубами не держится...

– А чего ты хочешь при таком питании?..

Родители стали радостно ругаться и наконец забыли про меня. Я лежал спокойненько, отдохнул от домашки минут пять, пока не запахло жареным.

– Эй, я уже отжался! – соврал я, но добавил для истины: – Ма, а у тебя котлеты горят!..

Ужин получился с дымком, я пытался выскрести из чёрной зажаренной корки хоть немного мяса, но всё без толку. Тогда отодвинул угольки на край тарелки, погнавшись вилкой за зелёным горошком.

– Будешь плохо есть, совсем ослабнешь, и с тобой произойдёт то же, что с вашей новенькой, как там её? – Папа задумался, с аппетитом похрустывая котлетой. – Романец?

– Романенко, – подсказала мама, но тут лицо её изменилось. – Что ты такое говоришь! – цыкнула она на папу. – Знаешь, что с ней теперь?

И тут случилось необыкновенное: папа поперхнулся, закашлялся, а потом виновато посмотрел на маму, будто извиняется. Слов таких он никогда в жизни не говорил, не попросил прощения, даже когда привёл с прогулки вместо меня соседского мальчика Витеньку. Мама восстановила семью, сбегав во двор и выменяв меня обратно, а соседская няня всё время трепалась по мобильнику на непонятном языке и вообще ничего не заметила. Но до самого позднего вечера папа смотрел на маму именно так – высшая степень раскаяния!

– А что теперь с Романенко? – испуганно переспросил я.

– Ешь, – сказал папа.

А мама промолчала и даже не посмотрела на меня, чтобы я не прочитал у неё в лице чего-нибудь лишнего, непозволительного. В такие минуты на лбу у неё словно загоралось табло «12+», а мне ещё и одиннадцати не исполнилось. Внутри стало как-то пусто и тоскливо, я пронзил корку котлеты и отправил в рот, чтобы заполнить себя хоть чем-то и перестать бояться...

Ноябрь

Гоша Порочкин • Лампа отождла!

Этим утром я проснулся и подумал, что должен стать Героем Дня! А то школа без меня от скуки сдохнет, честное слово...

И вот, захожу я к ребятам в класс посреди первого урока, а они сидят себе тихонечко, пишут что-то в тетрадях. Ну кому это, подскажите, нужно? Они бы ещё на уроке наскальной живописью занялись, что за динозавристость? Какому дикарю в наше Новейшее время может пригодиться вся эта писанина от руки? Ладно бы ещё школьникам поголовно ноутбуки раздавали – и печатай себе на здоровье! Это я понимаю. Но выводить каракули в бумажной тетради всего лишь за то, чтобы тебе учитель поставил пятёрочку, – это же настоящий цирк! А я не макака какая-нибудь, чтобы ради награды обезьянничать. Я же этот, как его... гомосапиенс – человек разумный. А любому разумному человеку ясно, что все эти бумажные тетради – прошлый век, ими только печки разжигать!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.